

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

ЗАКЛИНАТЕЛЬ

ЗМЕЙ

РАССКАЗ

ШИВАПРАСАД СИНХ

Дух мечты ничто не изменило,
И ничто, наверно, на земле
Нас с такою силой не манило,
Как манила Индия к себе.

Эти проникновенные строки написаны в 1970 году русским советским поэтом Валентином Сидоровым, посвятившим далекой южной стране лирической цикл «Голубые холмы Индостана».

Нерасторжимая связь между народами Индостана и народами России насчитывает столетия и с каждым годом становится все более органичной и многообразной. От записок Афанасия Никитина и трудов Герасима Лебедева, от переводов из «Махабхараты», созданных Жуковским, — к индийским стихам Николая Тихонова и Мирзо Турсун-заде восходят прочные узы, связующие наши литературы. Об этом нельзя не вспомнить ныне, в преддверии четвертой Конференции писателей стран Азии и Африки, которая состоится в ноябре нынешнего года в столице Индии.

Советскому читателю хорошо знакомы и великие памятники индийской культуры «Рамаяна» и «Панчатантра», и произведения гениев индийского народа Калидасы, Тулсидаса, Галиба, Тагора, Премчанда, Икбала. В числе миллионов книг афро-азиатских писателей, изданных в нашей стране, большое и почетное место занимает современная индийская литература, проникнутая духом борьбы за социальный и культурный прогресс, за мир и дружбу между народами.

Материалы этого раздела посвящены литературе и искусству Индии.

В А ДЕРЕВНЕ, там, где стоит развесистая смоковница, раскинуло свой табор племя натов. Не прошло и получаса, как над навесом из старых циновок запылал жаром сложенный на земле низенький очаг, и густые клубы дыма потянулись в сторону деревни.

Около очага уселись две женщины, о чем-то оживленно беседуют, потряхивая большими, резной работы натхами¹. Под пологом дыма, будто под шатром, на кровати с веревочной сеткой, застеленной тряпьем, восседает Баккас — вождь племени.

Перед Баккасом стоит плетеная клетка с большим зеленым попугаем, которого глава племени любит угощать хлебными крошками и на досуге учит говорить. Щелкая по прутьям крючковатым клювом, попугай скрипит что-то невнятное, потом спрыгивает вниз, подбирает с полу сухой комочек хлеба и, закатывая глаза, пытается его проглотить.

Поодаль прямо на траве улегся юноша-нат, устремив задумчивые черные глаза в клубящееся тучами небо и не замечая, что приبلудная курица, кося любопытным глазом, пытается просунуть голову в стоящую у его головы большую корзину. Корзина полна наглухо закрытыми круглыми плетенками, в которых шевелятся змеи — серые, черные, изжелта-коричневые. На другой корзине лежит дудка с круглым резонатором из небольшой полой тыквы. В отверстиях дудки посвистывает ветер.

От деревни в сторону лагеря натов степенно движутся двое: местный заминдар-тхакур² и Парасоттам Пандэ — брахман. Прослышав о появлении натов, они отправились проверить, с чем пожаловали незваные гости.

— На этот раз ты, кажется, один заявился, Баккас?

Завидев тхакура, Баккас не спеша поднимается с кровати и отвечает посетителям низкий поклон.

— А что нам, бедным, остается? Молодежь из подчинения вышла. Кто теперь стариков слушает, отцы вы наши? Вот так каждый сам по себе и странствуем.

Шивапрапад Синх — известный индийский писатель. Родился в деревне неподалеку от Бенареса в 1929 году. Окончил Бенаресский университет.

Перу Шивапрапада Синха принадлежат многочисленные рассказы, вышедшие четырьмя сборниками.

¹ Натх — украшение в форме большого кольца, продаваемого в нос.

² Заминдар — помещик; тхакур — господин.

Выговаривая все это заученной скороговоркой, Баккас не отрывает глаз от тхакура. Взгляд у него кажется открытым и мягким, но где-то в глубине тлеет мрачный огонек.

— А это кто? — ткнув пальцем в лежащего поодаль молодого ната, спрашивает тхакур. Юноша не отзывается, продолжая лежать в прежней позе, будто ему нет никакого дела до пришедших.

— Это сын Наби, хозяин, — объясняет Баккас. — Все скорбит, бедняга. Прошлый год вот тут, в вашей деревне, хозяйка у него померла. Может, помните? Вечером пошла к речке набрать воды, да так, бедняжка, и не вернулась. Утром мертвую нашли. И что с ней такое могло случиться, ума не приложу!

У Баккаса начинают хищно раздуваться ноздри, глаза мечут черные молнии. Однако огромным усилием воли сдержав себя, он прежним ровным голосом продолжает:

— От такого удара, хозяин, совсем рассудок потерял парень. Как помешанный стал. Целый год уж пыль глотаем по дорогам, где только за это время не побывали, а от него никакого проку. Ремесло забросил. Змей вот развел. Знай возится с ними. Сколько уж раз говорил ему: «Брось ты свою затею. Опасное это дело!». Так куда там — не слушает. Видно, не дает ему покой дух умершей жены. Хоть бы знать, когда она отвяжется от парня!

Как видно, Баккас вкладывает в свои слова какой-то особый, зловещий смысл, и тхакур не выдерживает.

— Кончай зубы заговаривать! — злобно взвизгивает он. — А ему скажи — пусть убирается, откуда пришел! Дело не шуточное! Тут деревня, кругом люди, а у него — даже взглянуть страшно! — змеи. Случись что — кто отвечать будет?

Баккас криво усмехается:

— Да что вы, хозяин! Змей испугались... А где у них зубы? Да и яду-то — откуда ему быть, когда их почти не кормят? Нечем и жалить, хозяин, вот какое дело! — И Баккас смеется дребезжащим, нервным смешком.

— Помолчи ты! — рывкает тхакур. — Сказано вам — убирайтесь! Да поскорей! Нынче же! Мы не можем терпеть соседство тех, кто добывает свой хлеб грехом! Воровства да разбоя и без вас хватает!

— Мы не разбойники и не грабители! — срывающимся от ярости голосом выпаливает Баккас и осекается, боясь наговорить лишнего.

— Ишь как запел! — взвизгивает тхакур. — Слыхал, что сказано? Не уберетесь подобру — выпроводим силой.

Баккас принимает укладывать пожитки. Молодой нат порывисто вскакивает, молча нанизывает свои корзины на концы длинной бамбуковой палки и ловко вскидывает этот шест-коромысло себе на плечо. Не проходит и пяти минут, как старенькие палатки, ветхие подстилки, мешки, клетки — весь немудрый скарб уже погружен на единственного буйвола. Последними трогаются женщины. Бережно прижимая к груди завернутые в тряпье котелки с недоваренным рисом, они замыкают шествие. Через четверть часа процессия исчезает в сгущающихся сумерках.

Издавна в летние месяцы Баккас наведывался сюда. Уж очень удобное здесь место для табора. Поблизости протекает речушка; у дороги стоит десяток старых смоковниц, в тени которых можно найти спасение от палящего солнца. Так и

повелось, что с наступлением жары дырявые палатки натов два-три месяца маячат на подступах к деревне.

Баккас был признанным главою племени. Среди натов не было ему равных. Он не брезговал воровством, считая его своим наследственным делом; широко вел тайную торговлю опиумом и гашишем; любил померяться силой с местными богатырями; мог часами петь народные сказания (этим своим талантом он нередко пользовался для того, чтобы отвлечь внимание крестьян, когда замышлялась какая-нибудь рискованная операция).

Как и многие его соплеменники, Баккас любил промочить горло, а потому почти каждый вечер бывал весел, добродушен и болтлив. Назавтра с похмелья у него болела голова, разламывало все тело, и какой-нибудь парнишка-нат, оседлав Баккаса, все утро усердно растирал ему шею и спину.

В дни молодости Баккас выкрал в дальней деревне девушку, которая с малых лет осталась вдовой. Она родила ему троих детей — двух сыновей и дочь. Девочку назвали Каммо. В отличие от своих соплеменников Каммо не была темнокожей. Она пошла в мать. Однако от постоянного пребывания на солнце лицо ее со временем посмуглело.

Каммо с детства освоила искусство татуировки и пользовалась огромным успехом.

Прослышав о появлении Каммо, молодые жительницы деревни осаждали ее, одолевая просьбами «уделить хоть минутку».

Усадив клиентку где-нибудь в тени смоковницы, Каммо с озорной улыбкой говорила ей:

— Стисни зубы, подружка, и терпи. Сначала будет немножко больно, а потом все пройдет.

Женщина, съезжившись, замирала, а Каммо, весело играя своими глазами, изредка цыкая на ойкающую клиентку, принималась накалывать ей на руке какой-нибудь диковинный цветок, плод манго, бабочку или священную раковину. Женщины нахвалиться не могли ее работой, а из парней каждый готов был за нее в огонь и в воду.

Баккас выдал дочку за Башира, сына своего закадычного друга Наби. Башир был под стать Каммо. В темном, будто вылитом из бронзы, теле Башира таилась огромная сила. Да и вообще все мужчины в таборе Баккаса были как на подбор — один крепче другого. Даже ответные голворезы побаивались натов, держались от Каммо на расстоянии, и она, как сказочная голубая королева, могла безбоязненно бродить по окрестным деревням. Однако никто не сумел прийти ей на помощь, когда она попала в руки насильника.

Как-то вечером, когда она возвращалась с реки, на нее напали люди заминдара. Даже птицелов не кидается к сети с такой поспешностью, с какой налетела на Каммо шайка купленных заминдаром бандитов: в мгновение ока Каммо скрутили, заткнули кляпом рот. Ночь уже плотным пологом окутала землю, и ни одна живая душа ни в деревне, ни в таборе не видела, как это произошло.

Откуда было знать похотливому заминдару, что эта дочь вора-ната, тайно помогавшая женщинам освобождаться от плодов запретной страсти, эта грязная торговка, безнаказанно промышлявшая опиумом, будет так защищать свою честь! Каммо приняла весь бывший с нею запас

олиума, предпочтя смерть вечному позору. Перепуганный насмерть заминдар исполнился и, вызвав верных людей, приказал им выбросить труп в речку.

Преступление заминдара уже к полудню ни для кого в деревне не было тайной, однако говорили об этом шепотом, боясь гнева тхакура.

Сидя на земле рядом с телом дочери, Баккас горько проплакал весь день, а Башир глядел и глядел на покойницу и никак не мог поверить, что его подруги уже нет в живых.

К вечеру тело Каммо предали земле, и Баккас, словно смертельно раненный зверь, еле дополз до своей палатки. В сумерках табор разом снялся с места и растаял во мраке ночи.

Прошло несколько месяцев. На смену темным ночам приходили ночи, залитые светом луны, но рана в сердцах отца и мужа продолжала кровоточить. В душе Башира зрел план мести. Чтобы отомстить за погубленную жену, он овладел нелегким ремеслом заклинателя змей, упрости одного бродячего факира в Фаридпуре научить его священным заклинаниям. И вот ровно через год он возвратился в эту деревню, горя желанием расквитаться с тхакуром.

И для Баккаса месть за дочку давно уже стала единственной целью жизни.

Дойдя до речушки, Баккас остановился.

— Заночуем здесь, а утром видно будет. — коротко бросил он и принялся разгружать буйвола: это было то самое место, где ровно год назад они похоронили Каммо.

При мысли о дочери словно огонь разлился по его телу.

— Что же ты смотришь, Башир? Вынимай своих змей! Иди к тхакуру! Пока жив этот распутник, я не могу вздохнуть с облегчением!

— Хорошо, — коротко сказал Башир.

Из одной корзины он вынул коврик, расстелил его на земле и, достав из другой корзины плетенку со змеей и дудку, разложил все это перед собою. Рядом поставил бумажный кулек с горчичными зернами и лесными корешками. Потом уселся на коврик и тихонько пропел заклинание. Резко оборвав пение, Башир откинул крышку плетенки, и, схватив дудку, заиграл торжественно и печально. Под звуки дудки из плетенки, распустив капюшон и качаясь, будто стебель цветка под ветром, потянулась вверх змея. Захватив в обе руки по горсти горчичных зерен, Башир занес правую над змеей и, осыпая ее, проговорил:

— Именем твоего укротителя, именем владыки змей Нагараджа, заклинаю тебя — напади на врага моего и предай его смерти! Ступай!

Перевалившись через край плетенки, змея послушно скользнула в траву.

— Ступай! — эхом отозвался Баккас и, как помешанный, быстро забормотал:

— Пусть сгинет, проклятый! Умерла моя девочка... Пусть его жена останется вдовой, пусть узнает, как горьки слезы...

Крепко сжимая в левой руке горчичные зерна, Башир сидел не шевелясь, и перед глазами у него все еще маячил качающийся черный стебель с распущенным капюшоном, выросший из темного провала плетенки.

— Зажми кулак крепче, сынок, — проговорил Баккас.

— Угу, — отозвался Башир.

И вдруг прежнее видение исчезло, словно перед взором его опустился белый занавес. А по-

том на нем появились темные фигурки, очень черные на ослепительно-белом фоне, и, будто в кино, одна за другой стали разворачиваться картины того, что он видел сегодня в полдень.

Раскаленное полуденное солнце — солнце месяца джетх³ — обрушивало на готовую потоки пламени. Показывая по деревням свое искусство заклинателей змей, Башир уже порядком устал. Горло у него пересохло, и он давно бы возвратился в табор, если бы не наказ Баккаса побывать возле дома тхакура и, если представится случай, показать его змее. Башир расположился со своей корзиной в тени большого дерева у самых дверей особняка. Когда представление кончилось, он расстелил свое покрывало: вместо платы за зрелище ребятишки, бежавшие со всей деревни, ссыпали сюда что что мог — горстку риса, гороха, сухих фруктов.

В дверях показалась тхакурани — жена тхакура.

— Ступай, сынок. Если уж принес, то иди отдай дяде, чего боишься? — глядя по головке малыша, говорила она. Крепко держа обеими ручонками полный отборного риса подол рубахи, малыш несмело приблизился к Баширу и, ссыпав рис на покрывало, присел рядом на корточки.

— Матушка, воды бы глоток! — непронзательно вырвалось у Башира. Тхакурани вынесла кувшинчик с водой и, передавая его малышу, ласково проговорила:

— Налей дяде водички, Мадхав. Видишь у него чашку? Вот туда и налей, сынок.

Малыш уже смелее подошел к Баширу и до краев наполнил его чашку. Башир крупными глотками жадно выпил студеную воду, и силы снова вернулись к нему.

— Дядя, а змеи не пьют водичку? — раздался у него над ухом голосок малыша.

— Пьют, сынок, пьют, — подобревшим голосом отвечал Башир. — Они вечером пьют.

Услышав вопрос сына, тхакурани негромко рассмеялась. Это был добрый, ласковый смех любящей матери. Застеснявшись, малыш отбежал к дверям и спрятался за мать, а она, довольная, с приветливой улыбкой глянула на укротителя. Башир начал поспешно укладываться. При виде стоящей в дверях тхакурани и ее малыша ему стало не по себе...

Все эти картины одна за другой проплывали перед его мысленным взором сейчас, когда выпущенная им змея, шерка в сухой траве, ползла к дому тхакура, а сам Башир, будто окаменев, крепко сжимал левый кулак с горчичными зернами, дожидаясь возвращения той, что должна была стать орудием его мести. И Башир не выдержал.

— Нет! Нет, нет! — крикнул он. — Не надо. Задержи ее, отец! Они ведь не виноваты!

Все смешалось перед ним: он видел то мертвое тело Каммо, то застывшую в дверях тхакурани в бледно-желтом вдовьем сари: она держала за руку малыша, а он доверчиво смотрел прямо в лицо Башира своими большими лучистыми глазками: «Дядя, а змеи не пьют водичку?..».

Тело охватил жар, на лбу мелким жемчугом заблестели капли пота. Рука Башира дрогнула, и кулак медленно разжался.

— Что ты наделал, Башир? — крикнул Баккас, падая всем телом на руку Башира. — Разве

³ Джетх — месяц индийского календаря, соответствует маю — июню.

ты забыл, что кулак разжимают, когда змея поразит врага и приползет назад? Иначе она вознаграждается с полноты и жалит того, кто ее послал...

— Я не забыл, отец, я помню все это, — бессильно проговорил Башир. — Но ты же сам всегда твердил мне, что нат никогда не мстит тайком... Так делают только трусы, подлые трусы!.. И они ведь невинны — ребенок тхакура и мать малыша! Невинны...

Дикий крик вырвался у Башира: незаметно подползшая змея ужалила его в левую руку. Поднявшись над землей и поводя распушенным капюшоном, она яростно шипела, налитые зло-

бой глазки блестели во тьме, как две огненные точки.

— Еще ужаль... Еще... Сегодня я встречу с нею... С моей Каммо... — И Башир тяжело рухнул на спину.

Баккас осторожно поднял голову Башира и положил к себе на колени.

— Ты прав, сынок, — нат никогда не мстит тайком... Ты прав! Прав!.. — Голос у него оборвался, и по щекам покатились крупные слезы.

Перевел с хинди

В. Чернышев

Новый фильм Раджа Капура

«Без советских кинематографистов этот фильм снять невозможно!» Такое категоричное заявление я услышал еще несколько лет назад от Ходжи Ахмада Аббаса. Мы обсуждали с ним проект постановки первого советско-индийского фильма «Хождение за три моря».

И вот теперь те же слова повторил другой известный индийский кинематографист — Радж Капур.

Мы встретились с ним на «Мосфильме». Радж Капур приехал сюда вместе с оператором своей последней картины «Меня зовут клоуном» — Радуг Кармакар и исполнительницей одной из главных женских ролей фильма солисткой балета Большого театра Ксенией Рябинкиной. Работе над этим фильмом Радж Капур отдал четыре года.

— Сама идея этой ленты возникла благодаря встрече с артистами московского цирка, — рассказывает Радж Капур. — Их высокое искусство и побудило меня к созданию трехсерийного цветного фильма, демонстрация которого будет продолжаться четыре часа десять минут. Собственно, это три самостоятельных фильма, объединенных общими сюжетными линиями сценария, созданного Ходжей Ахмадом Аббасом, и

одним и тем же главным героем — клоуном, роль которого исполняю я сам. Правда, в первом фильме нашего героя в юности играет мой 17-летний сын, Риши Капур.

— Уже в процессе работы над фильмом, — продолжает Радж Капур, — я получил десятки писем от прокатных организаций почти всех стран Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Турции, Ирана, многих арабских государств с просьбой предоставить им право преимущественного проката этой картины. Конечно, цель нашего фильма — не только рассказ об артистах советского цирка. Для это-

го достаточно было бы снять полнометражную документальную ленту. Мы хотели поведать в нашей картине о простых человеческих чувствах, о традиционной дружбе многомиллионных советского и индийского народов. Прекрасно сыграла свою роль Ксения Рябинкина — блистательная балерина. Я надеюсь, — застенчиво улыбается Радж Капур, — что смогу показать картину гостям и участникам Второго ташкентского кинофестиваля стран Азии и Африки, а в октябре 1970 года в Дели состоится торжественная премьера нашего фильма.

Советские писатели в гостях у индийских кинематографистов. Слева направо: Кайсын Кулиев, Ходжа Ахмад Аббас, Радж Капур, Франц Таурин.

Фото В. Рамзеса

